

Н е р а в е н с т в о в р о с с и й с к о м о б щ е с т в е

Социальные неравенства и социальная структура современной России в восприятии населения

Мареева Светлана Владимировна –

кандидат социологических наук, заведующая
Центром стратификационных исследований,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»; ведущий научный
сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва

E-mail: smareeva@hse.ru

Социальные неравенства и социальная структура современной России в восприятии населения

DOI: 10.19181/vis.2018.26.3.527

Аннотация. В статье на материалах общероссийского репрезентативного социологического исследования, проведённого Институтом социологии ФНИСЦ РАН в 2018 г., дан анализ представлений россиян о социальной структуре современного российского общества и характеризующих его неравенствах. Показано, что проблема неравенств сегодня очень остро воспринимается населением, и за годы последнего кризиса не только не отошла на второй план, но даже стала восприниматься острее. Продемонстрировано, что потенциал использования неравенств как стимула продуктивности постепенно сокращается, поскольку за последние пять лет произошло снижение толерантности россиян как к тем основаниям неравенств, которые ранее представлялись им скорее легитимными, так и к различным проявлениям немонетарных неравенств, основанных на неравенстве доходов. В сложившихся институциональных условиях существующие неравенства в целом расцениваются населением как несправедливые. О высоком дисбалансе между реальностью и ожиданиями населения говорит и наблюдаемый разрыв между «идеальной» и «реальной» моделями социальной структуры современного российского общества в оценках россиян. Всё это приводит к растущему запросу на «выравнивание» и изменение модели социальной структуры общества. С другой стороны, даже при наблюдающейся в последние годы негативной динамике, толерантность большинства россиян к легитимным (в их представлениях) неравенствам, основанным на различиях в квалификации, усилиях и результатах, пока всё же доминирует в российском обществе, и это может позволить реализовать продуктивную, стимулирующую роль неравенств. Запрос на сокращение неравенств предъявляется населением прежде всего государству, что сближает Россию с другими европейскими странами. Однако по оценке степени успешности того, как правительство справляется с этой проблемой, российское население демонстрирует наиболее негативные оценки. Это означает, что социальные неравенства представляют сегодня серьёзный вызов для государства, поскольку без решения этой проблемы не могут быть эффективно реализованы поставленные цели «прорывного» развития страны.

Ключевые слова: социальное неравенство, социальная структура, восприятие неравенства, справедливость, запрос на сокращение неравенства, роль государства

Неравенства представляют собой серьёзную «болеуточку» для современного этапа мирового развития. Проблема неравенства вновь вышла на первый план после кризиса 2008–09 гг., однако и до этого опасения, связанные с растущим неравенством, всё чаще озвучивались научным сообществом. По оценке известного специалиста по социальным неравенствам и социальной структуре Д. Груски, до 1960–70-х гг. неравенство также признавалось значимой и общественно важной проблемой, но поскольку оно рассматривалось как побочный эффект капитализма и социализма, то предполагалось, что прогрессивное общественное развитие приведёт к снижению неравенства, а политическое управление им будет становиться проще по мере перехода обществ к более благополучным формам «продвинутого» индустриализма. Большинство работ послевоенного периода с помощью разных подходов и теоретических рамок анализа обосновывали единый тезис о том, что в новой социальной реальности социальные неравенства сглаживаются, возможности распространены более равномерно, а классовые конфликты и классовые различия становятся всё менее заметными [Grusky 2011]. Однако в 1960–70-х гг. дискурс анализа неравенства заметно изменился, развернувшись практически в противоположную сторону, и тезис о снижении неравенства утратил свои позиции. В противовес ему, новые исследования приводят к выводу о том, что неравенство, наоборот, усиливается, причём это характерно одновременно для целого ряда его измерений (поскольку оно представляет собой многомерное явление) и для разных уровней – как в рамках одной страны между индивидами и домохозяйствами, так и между странами и регионами. Отмечается рост неравенства в ряде стран, находящихся на позднеиндустриальном этапе развития, сохранение множества неэкономических форм неравенств несмотря на десятилетия проведения реформ эгалитаристского направления, растущая озабоченность внешними макроэффектами неравенства (причём не только экономическими), всё более яркие проявления неравенств между регионами по мере глобализации.

Проблема растущего неравенства, прежде всего монетарного, связанного с доходами или богатством, оказалась в последние годы и в центре внимания экономистов, чему способствовал выход целого ряда посвящённых этой проблеме работ [Миланович 2017; Пикетти 2015; Стиглиц 2015]. Однако озабоченность проблемой неравенства выходит за пределы только научного сообщества – в частности, задача снижения уровня неравенства внутри стран и между ними вошла в «Цели устойчивого развития ООН 2015 г.» Целый ряд докладов международных организаций в последние годы был также сфокусирован на проблемах неравенства в мире – в частности, доклад 2016 г. неправительственной некоммерческой организации

Oxfam International, подготовленный для Всемирного экономического форума в Давосе – «Экономика для 1%. Как привилегии и власть в экономике приводят к радикальному неравенству, и как это можно остановить»; доклад 2016 г. Всемирного банка «Бедность и всеобщее процветание: борьба с неравенством»; ежегодный доклад о переходном процессе Европейского банка реконструкции и развития за 2016–17 гг., впервые посвящённый именно проблемам неравенства, и др. [World Bank 2016; Haroon et al. 2016; EBRD 2017].

Не стало исключением и современное российское общество. Обсуждение степени остроты, факторов и последствий объективно существующих неравенств активно ведётся и в российской научной среде, причём с разных сторон с этой проблематикой работают и экономисты, и социологи [Аникин, Тихонова 2016; Капелюшников 2017; Овчарова, Попова, Рудберг 2016]. Однако сравнительно меньше внимания уделяется вопросу восприятия неравенств населением [Гимпельсон, Монусова 2014; Салмина 2007] и представлениям населения о социальной структуре общества, хотя некоторые работы в этих областях представлены [Косова 2016; Мареева, Тихонова 2016]. При этом негативные последствия оценки неравенств населением как излишне высоких, имеющих нелегитимные основания и в целом не соответствующих «идеальной» общественной модели, могут иметь далекоидущие социальные последствия – генерировать социальную напряжённость, ухудшать социально-психологическое состояние россиян, создавать основания для делегитимизации власти в их глазах, способствовать формированию запроса на изменение общественного договора с государством. С оценками неравенств тесно связано и восприятие населением страны социальной структуры современного российского общества, и определение ими своего собственного положения в пространстве социальных позиций. В статье на данных общероссийских исследований Института социологии ФНИСЦ РАН¹ будут рассмотрены проблемы восприятия социальных неравенств и социальной структуры, а также определены ключевые вызовы для дальнейшего развития страны в этом отношении.

Начнём анализ с общего восприятия «ландшафта» социальных неравенств россиянами и динамики этих представлений в последние несколько лет. *Об отсутствии острых нера-*

¹ Используются базы мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», созданные при финансовой поддержке РНФ. Последняя волна проведена весной 2018 г. по общероссийской двухступенчатой квотной выборке, объём выборки – 4000 респондентов от 18 лет и старше, представляющих основные социально-профессиональные группы населения, проживающие во всех территориально-экономических районах страны согласно районированию ФСГС РФ и репрезентирующие их население по полу, возрасту и типам поселений.

венств в современной России в 2018 г. говорили только 2% населения, и лишь 9% отмечали, что они сами не страдали ни от каких неравенств. Рейтинг наиболее болезненных неравенств возглавляет при этом неравенство по доходам – его отмечают как самое болезненное для общества в целом 84% населения, а как болезненное лично для себя – 69%. Среди немонетарных неравенств наиболее остро воспринимаются связанные с базовыми аспектами качества жизни – медициной и жильём. За ними следует группа неравенств, связанных с возможностями социальной мобильности – неравенства в доступе к хорошим рабочим местам, образованию, а также неравенство возможностей для детей из разных слоёв общества (см. таблицу 1).

Таблица 1

Наиболее болезненные неравенства для общества в целом и лично для респондентов, 2018 г., %

Типы неравенств	Болезненные для общества в целом	Болезненные лично для респондента
Доходов	84	69
В доступе к медицинской помощи	70	51
Жилищных условий	64	36
В доступе к хорошим рабочим местам*	52	38
В доступе к образованию	48	23
В возможностях для детей из разных слоёв общества	33	19
В возможностях отдыха, проведения досуга	22	27
В обладании собственностью	20	16
В наличии знакомств с «нужными людьми»	9	10
В возможностях добраться в нужные места общественным транспортом	9	11
В доступе к культурным, художественным ценностям (театры, музеи, выставки)	7	9
В физических возможностях	6	9
В возможностях пользования компьютером и интернетом	4	4
Таких неравенств нет	2	9

* Доли приведены для работающего населения.

Сравнение с данными 2015 г. показывает, что рейтинг наиболее острых неравенств, влияющих как на жизнь самих россиян, так и на общество в целом, в представлениях людей не изменился. Однако в отношении ситуации в обществе россияне заметно чаще стали отмечать проблему неравенства доступа к медицинской помощи (59% в 2015 г. и 70% в 2018 г.) и образованию (40 и 48% соответственно). Эти два типа неравенств напрямую связаны с человеческим капи-

Сравнение с данными 2015 г. показывает, что рейтинг наиболее острых неравенств в представлениях людей не изменился. Однако в отношении ситуации в обществе россияне заметно чаще стали отмечать проблему неравенства доступа к медицинской помощи и образованию.

талом, который должен стать драйвером нового этапа развития страны, и в этой связи подобная динамика оценок выступает негативным индикатором ситуации в данной сфере.

В оценке тех неравенств, от которых страдают сами россияне, за последние три года также произошли изменения, свидетельствующие об их растущей остроте. Так, заметно возросла болезненность восприятия неравенства доступа к медицинской помощи (с 39 до 51%); более чем в два раза выросла доля россиян, отмечающих, что они страдают от неравенства в возможностях отдыха и досуга (с 12 до 27%); в меньшей степени, но также увеличилась доля тех, кто болезненно воспринимает неравенство в доступе к образованию (с 16 до 23%) и неравенство жилищных условий (с 30 до 36%). Таким образом, *в условиях экономического кризиса, характеризовавшего внешний контекст жизни россиян в последние годы, проблема неравенств не только не отошла на второй план, но даже стала восприниматься острее – причём основные изменения коснулись оценок ситуации в собственной жизни, а не положения дел в обществе в целом, что может приводить к большей социальной напряжённости.*

Острота восприятия наиболее значимого для россиян доходного неравенства снижается по мере роста их собственного дохода. Так, среди высокодоходных россиян, среднемесячный душевой доход в домохозяйствах которых превышает два медианных значения по стране в целом, менее половины, по их собственным оценкам, страдают от неравенства доходов. Среди низкодоходных россиян, душевой доход в домохозяйствах которых не превышает 0,75 медианного значения по стране в целом, процент страдающих от доходного неравенства возрастает до 78. Аналогичная тенденция характеризует и остроту восприятия представителями разных доходных групп неравенства доступа к медицинской помощи (35 и 58% соответственно) и образованию (14 и 29%), а также хорошим рабочим местам (15 и 31% среди работающих) – т. е. *в отношении тех неравенств, которые связаны с социальной мобильностью и возможностями поддержания своего человеческого капитала, представители высокодоходных слоёв занимают более благополучное положение.* По остальным типам неравенств различия в остроте их восприятия между доходными группами ниже, а неравенство в наличии знакомств с «нужными людьми» представители высокодоходных групп воспринимают более остро, чем представители низкодоходных, что связано с большей значимостью этого ресурса именно для благополучных слоёв.

Если же говорить о возрастных различиях, то наиболее яркое их проявление – рост остроты восприятия неравенства доступа к медицинской помощи с возрастом, поскольку эта проблема становится более актуальной именно для пожилых. Так, от этого типа неравенства страдают 36% россиян в возрасте до 30 лет и 69% тех, кто старше 60. При этом с возрастом снижается доля отмечающих как болезненные для себя

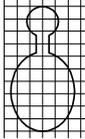
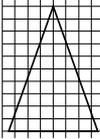
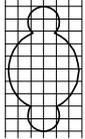
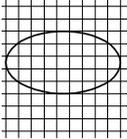
Острота восприятия наиболее значимого для россиян доходного неравенства снижается по мере роста их собственного дохода.

неравенства жилищных условий, доступа к образованию, возможностей отдыха, доступа к хорошим рабочим местам (важно, что это неравенство острее всего воспринимается младшей возрастной когортой населения – теми, кто не достиг ещё 30 лет, для которых выход и «закрепление» на рынке труда в сложившихся условиях оказывается серьёзным вызовом). Таким образом, *представители разных возрастных групп в силу отличающихся характерных для них моделей жизни воспринимают как наиболее острые те типы неравенств, которые в большей степени актуальны для них самих на определённом этапе жизненного цикла.*

Восприятие общей проблемы социальных неравенств как достаточно острой – причём и для общества в целом, и для собственной жизненной ситуации – приводит к *формированию запроса россиян на сокращение существующих неравенств.* Одной из иллюстраций этого является наблюдаемый разрыв между «идеальной» и «реальной» моделями современного российского общества в оценках россиян. Описывая его конфигурацию, более чем три четверти россиян представляют себе «пирамиду» с широким «низом» и постепенно сужающимся «верхом» (45%) или сочетание многочисленных нижних слоёв, оторванных от малочисленных верхних (31%). Модели, характеризующиеся массовыми средними слоями (с верхними и нижними слоями небольшой численности или вообще без них) выбирает для описания реального положения дел лишь четверть россиян. Между тем, *говоря об идеальной модели, более половины респондентов сегодня выбирают общество высокой социальной однородности*, в то время как модели без массовых средних слоёв выступают в роли идеальных лишь для 27% населения (см. таблицу 2), что ярко демонстрирует запрос большей части населения на снижение социальных неравенств в современной России.

Таблица 2

Идеальная и реальная модели современного российского общества в представлениях россиян, 2012–18 гг., %

Модель российского общества				
	Рис. 1	Рис. 2	Рис. 3	Рис. 4
Идеальная (2012)	9	20	31	40
Идеальная (2018)	7	20	19	54
Реальная (2012)	28	57	12	2
Реальная (2018)	31	45	16	8
Разница (2012)	-19	-37	19	38
Разница (2018)	-24	-25	3	46

Представители разных возрастных групп воспринимают как наиболее острые те типы неравенств, которые в большей степени актуальны для них самих на определённом этапе жизненного цикла.

Более половины респондентов сегодня в качестве идеальной модели выбирают общество высокой социальной однородности.

Сравнение с данными 2012 г. показывает, что представления россиян за этот период заметно трансформировались, и основной тенденцией стало *снижение толерантности к степени общественного неравенства и рост запроса на социальную однородность*. Модели «пирамиды» или немногочисленных верхних слоёв при многочисленных нижних всё также выбирает в совокупности менее 30% населения, а вот «голоса» между моделью с массовыми средними при небольших верхних и нижних слоях и моделью социальной однородности за последние шесть лет перераспределились в пользу последней (с 40 до 54%). Что же касается оценки реальной социальной структуры современного российского общества, то в этом отношении изменения были менее выраженными, хотя россияне относительно реже стали описывать её как пирамиду (снижение с 57% в 2012 г. до 47% в 2018 г.) и несколько чаще – как модели с массовым средним классом.

В итоге первые две модели продолжают представляться россиянам отражением реальной, но не идеальной модели общества, в то время как 4-ая модель всё больше отражает «несбыточный идеал», демонстрируя стремление к сглаживанию неравенств в российском обществе.

Представления о социальной структуре российского общества в мечтах и реальности выступают одним из факторов оценки власти и запросов к ней. Если отдельно выделить тех, чьи представления о реалиях современной России связаны с констатацией достаточно высокой степени неравенства (выбирающих 1-ую или 2-ую модель как реальную в [таблице 2](#)) и не соответствуют представлениям об идеальном общественном устройстве (которые отражаются в выборе ими 3-ей или 4-ой модели как идеальной), а также тех, чьи представления о реальной и идеальной модели современного общества совпадают (независимо от степени неравенства, которую они при этом фиксируют), то численность этих групп составит 57 и 15% соответственно, что свидетельствует о *высоком дисбалансе между ожиданиями и реальностью большинства населения*. Этот дисбаланс оказывает влияние в том числе на оценки ситуации в стране и её перспектив – среди представителей первой группы в большей степени выражен запрос на перемены (58 при 49% среди представителей второй), но при этом они реже верят в успешное развитие России в ближайший год (29 и 44%) и чаще предрекают для России трудные времена (35 и 26%). Сказывается расхождение реальной и идеальной моделей общества в представлениях россиян и на оценку ими власти. Среди ощущающих этот дисбаланс, связанный с излишне высокими неравенствами, ниже оказывается не только доверие к президенту (64 при 82% среди не ощущающих дисбаланса) и поддержка его на прошедших выборах, но и оптимизм по отношению к возможности

Сегодня россияне относительно реже стали описывать реальную социальную структуру общества как пирамиду (снижение с 57% в 2012 г. до 47% в 2018 г.) и несколько чаще – как модели с массовым средним классом.

Дисбаланс между ожиданиями и реальностью оказывает влияние на оценки ситуации и её перспектив: в большей степени выражен запрос на перемены, но при этом люди реже верят в успешное развитие России в ближайший год и чаще предрекают трудные времена.

достижения в стране ряда целей, связанных с сокращением неравенства. Например, в том, что даже в течение 10–15 лет государством вряд ли будет реализована задача создания массового среднего класса, уверены 35% из них (при 24% среди представителей второй группы); пессимизм по поводу создания доступной и качественной медицинской помощи испытывают 40 и 29% соответственно, а по поводу формирования равных образовательных возможностей для всех – 40 и 24%.

Правда, стремясь к обществу большей социальной однородности, большинство россиян всё же имеют в виду не равенство доходов и условий жизни (41%), а равенство возможностей (59%). Это соотношение в последнее десятилетие было достаточно устойчиво, хотя по сравнению с 1995 г. доля выбирающих равенство возможностей в противовес равенству доходов заметно сократилась, что может отражать разочарование в «правилах игры», не способствующих генерации справедливых неравенств в глазах населения (см. рис. 1). Наблюдающаяся в долгосрочном периоде тенденция роста запроса на равенство доходов свидетельствует о том, что потенциал «продуктивности» неравенств, который можно было бы использовать в целях развития страны, постепенно сокращается.

Рис. 1. Выбор в дилемме «равенство возможностей – равенство доходов», 1995–2018 гг., %

Однако в представлениях россиян пока продолжают доминировать представления о допустимости и даже желательности легитимных, справедливых неравенств. Сегодня большая доля россиян склонна скорее соглашаться, чем не соглашаться с тем, что работающие быстрее и эффективнее

Стремясь к обществу большей социальной однородности, большинство россиян всё же имеют в виду не равенство доходов и условий жизни (41%), а равенство возможностей (59%).

должны получать больше, чем занимающие те же позиции, но работающие менее эффективно (63% согласны с этим и 6% не согласны), а также с тем, что неравенство доходов справедливо, если все имели равные возможности для заработка (51 и 15%). Более высокие доходы у тех, кто получил более высокий уровень образования, считают справедливыми 45% и несправедливым – 10%. Таким образом, *эффективность работы и квалификация в условиях равных возможностей продолжают оставаться в глазах россиян легитимными основаниями для формирования монетарных неравенств*, хотя и при определённых оговорках. При этом разные профессии в качестве такого основания россиянами скорее не воспринимаются (см. рис. 2).

Эффективность работы и квалификация в условиях равных возможностей продолжают оставаться в глазах россиян легитимными основаниями для формирования монетарных неравенств.

Рис. 2. Оценка справедливости различных оснований неравенств, 2018 г., %

Отметим, однако, что *достаточно высокие доли отчасти согласных со справедливостью этих оснований неравенств, а отчасти нет, свидетельствуют о неоднозначности восприятия россиянами ситуации, сложившейся в этой сфере*. Возможно, здесь сказывается недоверие россиян к тому, что такие «правила игры» действительно могут быть установлены и соблюдаться для всех, поскольку пока принципы справедливости (как будет показано ниже) на практике не выполняются.

Более того, динамика ответов на эти вопросы свидетельствует о том, что *толерантность даже к тем неравенствам, которые пять лет назад представлялись справедливыми большинству населения, постепенно снижается*. Так, в 2013 г. более высокая заработная плата у тех, кто работает быстрее и эффективнее, представлялась справедливой 74% населения (в 2018 г. – уже 63%), а у тех, кто получил более высокий уровень образования – 63% (2018 – 45%). Возникающее в условиях равенства возможностей неравенство доходов считали пять лет назад справедливым 65% россиян (2018 – 51%), а разные профессии как основание неравенства доходов – 47% (2018 – 25%). Как видно из данных, произошло снижение толерантности по всем основаниям неравенств, представлявшихся справедливыми большинству населения в 2013 г. Это соотносится и с приведённой выше динамикой представлений населения об идеальных и реальных моделях социальной структуры – неэффективное функционирование или отсутствие «правил игры», которые в нормативной модели расцениваются как справедливые, но не выполняются на практике, приводит к растущему запросу на общее «выравнивание». С точки зрения перспектив развития страны это также говорит о *сокращении возможного потенциала использования неравенств как продуктивного стимула для конкуренции и построения эффективной модели развития*.

Ещё более неоднозначной выглядит оценка россиянами *различных проявлений монетарных неравенств* – возможностей для имеющих более высокие доходы обеспечивать себе и более высокие уровень и качество жизни. Так, население достаточно толерантно относится к покупке ими лучшего жилья и скорее считают справедливым то, что они смогут дать детям лучшее образование. В отношении большей пенсии для людей с большими доходами доли согласных и несогласных со справедливостью такого положения дел сближаются, а вот в отношении возможностей для людей с высокими доходами получать медицинские услуги более высокого качества доля несогласных значительно превышает долю согласных с таким положением вещей (см. рис. 3). По всей видимости, платное образование для детей (при наличии опции бесплатного образования для всех) воспринимается значительной частью населения не столько как возможность социальной мобильности и более успешного старта, сколько как одно из направлений потребления, как и жильё, что приводит к более сдержанной оценке этого проявления неравенства; в отношении же неравенств в жизненно важной сфере медицинского обслуживания (с учётом обострения этой проблемы в данной сфере в глазах россиян) население не толерантно.

Произошло снижение толерантности по всем основаниям неравенств, представлявшихся справедливыми населению в 2013 г., что говорит о сокращении потенциала использования неравенств как продуктивного стимула для конкуренции и построения эффективной модели развития.

Рис. 3. Оценка справедливости различных проявлений монетарных неравенств, 2018 г., %

Динамика в этом отношении также демонстрирует *снижение толерантности к проявлениям неравенств в разных сферах жизни*: так, в 2013 г. покупку лучшего жилья имеющими более высокие доходы считали справедливым 52% (в 2018 г. – 46%), лучшее образование для детей из обеспеченных семей принимали как справедливое 50% (2018 – 37%), более высокую пенсию для имеющих более высокие зарплаты считали справедливой 48% (2018 – 31%), а доступ к медицинским услугами более высокого качества для имеющих большие доходы расценивали как справедливый 27% (2018 – 22%). Правда, нужно отметить, что доли считающих это несправедливым также сократились, хотя и в заметно меньшей степени – по всей видимости, в условиях расхождения нормативных моделей и практики, смещения легитимных и нелегитимных оснований неравенства россиянам становится всё сложнее оценивать, какие проявления этих неравенств можно считать справедливыми, а какие нет. *Таким образом, за последние пять лет произошло снижение толерантности как к тем основаниям неравенств, которые ранее представлялись населению скорее легитимными, так и к различным проявлениям немонетарных неравенств, основанных на неравенстве доходов.*

Разрыв между нормативными представлениями и реальностью отражается в восприятии населением существующих неравенств не только как излишне высоких, но

В условиях расхождения нормативных моделей и практики, смещения легитимных и нелегитимных оснований неравенства россиянам становится всё сложнее оценивать, какие проявления этих неравенств можно считать справедливыми, а какие нет.

и как несправедливых. Половина россиян считают, что нынешняя система распределения частной собственности в России является несправедливой, и ещё 42% отчасти согласны с этим, отчасти нет. Говоря о том, как оцениваются сегодня в России способности и квалификация, только 16% согласны с тем, что люди получают за них достойное вознаграждение, 40% отчасти согласны, отчасти нет, и 44% не согласны с этим утверждением; оценивая собственную ситуацию, россияне настроены ещё более критично – 87% полностью или отчасти согласны с тем, что получают значительно меньше, чем заслуживают.

При этом россияне предъявляют запрос на сокращение неравенств государству. Так, 75% населения считают, что именно федеральные власти должны нести ответственность за справедливое распределение материальных благ. Более того, эта задача государства представляется большинству населения более важной, чем задача борьбы с бедностью (см. рис. 4).

Рис. 4. Оценка справедливости неравенств в российском обществе и запрос к государству на его сокращение, 2018 г., %

Дополняют эту картину представления россиян о причинах бедности и богатства в современной России. Большинство населения видит сегодня причины и бедности, и богатства в основном не в личных качествах или усилиях самого человека, а в воздействии «внешних» факторов: вины госу-

Россияне предъявляют государству запрос на сокращение неравенств. Так, 75% населения считают, что именно федеральные власти должны нести ответственность за справедливое распределение материальных благ.

дарства в первом случае и везения или социального капитала – во втором. Однако при этом заметно различаются группы с разными уровнями дохода – высокодоходные россияне чаще склонны связывать и бедность, и благополучие с усилиями самого человека, хотя и среди них половина считает, что основными всё же являются внешние факторы (см. таблицу 3).

Таблица 3

**Причины бедности и богатства в современной России
в представлениях населения в целом и полярных доходных групп,
2018 г., %**

	Всё население	Низко-доходные*	Высоко-доходные**
Причины бедности			
Большинство из тех, кто находятся сегодня в бедности, оказались в такой ситуации в основном по вине государства (низкие зарплаты и пенсии, недостаточность пособий и т. п.).	63	71	51
Большинство из тех, кто находятся сегодня в бедности, виноваты сами – это следствие вредных привычек, лени, нежелания менять свою жизнь.	37	29	49
Причины богатства			
Благополучное положение в российском обществе сегодня – результат прежде всего высокого уровня образования и квалификации, эффективной работы, приложенных усилий.	38	32	51
Благополучное положение в российском обществе сегодня – в основном результат везения или наличия нужных связей.	62	68	49

*Среднемесячный душевой доход домохозяйства не превышает 0,75 медианного среднедушевого дохода домохозяйств по стране в целом.

**Среднемесячный душевой доход домохозяйства – более двух медиан среднедушевого дохода домохозяйств по стране в целом.

Насколько в этом отношении ситуация в России уникальна, является ли запрос к государству на сокращение неравенств типичным и для других стран? Ответить на эти вопросы и дополнить описанную выше картину позволяют данные последней доступной волны международного сравнительного исследования – Европейского социального исследования (European Social Survey, ESS), проведённой в 2016 г. и охватившей 23 страны-участницы, в том числе и Россию¹. В исследовании представлены несколько вопросов, оценивающих толерантность населения к неравенствам по доходам и уровню

¹ Подробную информацию об исследованиях см. на официальных сайтах (URL: <http://www.issp.org/data-download/by-topic/>; <http://www.europeanvaluesstudy.eu>; <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>; <http://www.europeansocialsurvey.org>).

жизни и выявляющих общественные представления о роли государства и успешности его действий по их сокращению. Респондентов просили оценить степень своего согласия или несогласия¹ со следующими суждениями:

- правильно, что разница в доходах между людьми должна быть велика, так как велика и разница в их способностях и приложенных усилиях;
- справедливым можно считать только такое общество, где различия между людьми в уровне жизни невелики;
- правительство должно принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми;
- социальные пособия, льготы и услуги в Вашей стране способствуют преодолению неравенства.

Сравнение ответов показывает², что жители большинства европейских стран склонны быть более толерантными к неравенству по доходам, нежели к неравенству в уровне жизни, которое в целом не принимается большинством европейского населения как норма. Так, во всех странах, попавших в выборку (за исключением лишь Чешской Республики) более половины населения считают, что справедливым можно считать только такое общество, неравенства в уровне жизни в котором минимальны. Более того, в ряде стран (Австрия, Исландия, Испания, Португалия, Литва) такой позиции придерживается подавляющее большинство населения – почти три четверти (72%) и более. *Мнение россиян по этому вопросу менее категорично, хотя с утверждением о необходимости только лишь небольших различий в уровне жизни людей в справедливом обществе согласны, по данным исследования, более половины населения (57%), но ещё 30% не имеют чёткой позиции; при этом 14% считают, что допустима и высокая дифференциация уровня жизни.*

Что же касается *неравенства по доходам*, то по ним картина оказывается более гетерогенной. В ряде стран население скорее толерантно к высоким доходным неравенствам (среди них – Великобритания, Германия, Ирландия, Нидерланды, Польша, Эстония и Чешская Республика; более 50% населения каждой из этих стран соглашались с тем, что разница в доходах между людьми должна быть велика). Наименее толерантны к высоким доходным неравенствам жители Испании, Португалии, Финляндии и Словении (более 50% не согласны с необходимостью высоких различий в дохо-

¹ Варианты ответов – «абсолютно согласен», «согласен», «и да, и нет», «не согласен», «абсолютно не согласен».

² Автор выражает признательность Е. Д. Слободенюк за подготовку расчётов по массивам Европейского социального исследования, использованных в статье.

дах. Однако, в отличие от оценки неравенств в уровне жизни, даже в этих странах ни в одном случае эта доля не приблизилась к трём четвертям, составив максимум 56%). *Россию на общем фоне можно отнести к числу менее толерантных к доходным неравенствам среди европейских стран, хотя неприятие высоких доходных неравенств в ней выражено не столь сильно – 42 против 22% поддерживающих высокие различия в доходах (остальные 36% не имеют чёткой позиции).*

Несмотря на различия в объективных показателях неравенства в разных странах и в степени толерантности к неравенствам доходов и стандартов жизни, граждане всех европейских стран, включённых в выборку, оказались достаточно близки между собой с точки зрения запроса к государству на сокращение доходного неравенства. Согласных с тем, что правительство должно принять меры для уменьшения существующих в их странах неравенств в доходах, во всех странах выборки, кроме Чешской Республики, оказывается более половины, причём в большинстве стран сторонники этой позиции составляют более 70% населения. Таким образом, запрос к государству на сокращение доходных неравенств является типичным для всех европейских стран, представляя собой «универсальный» элемент общественного договора. Россия в этом отношении подтверждает общую тенденцию – согласны с тем, что правительство должно принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми, 71% россиян (33% – абсолютно согласны), а не согласны 8%. Это подтверждается и приведёнными выше данными российских исследований.

При этом оценки успехов государства в этом отношении в разных странах заметно различаются. Хотя ни в одной стране из выборки доля согласных с тем, что существующие в их странах пособия, льготы и социальные услуги способствуют преодолению неравенства, не достигла 70% населения, но в 14 странах из 23-х население всё же скорее положительно оценивает роль социальной поддержки по сокращению неравенств. *Россия же на общем фоне демонстрирует наиболее негативные оценки среди всех стран-участниц исследования – 43% не согласны с тем, что социальная поддержка в стране позволяет сокращать неравенства, 26% утверждают обратное и 31% не имеют на этот счёт определённого мнения.* В этом отношении к России оказываются близки Венгрия (42% несогласных), Литва (39%), Чешская Республика (38%) и Эстония (37%). Таким образом, *жители большинства европейских стран схожи между собой в запросе к государству на сокращение доходного неравенства, но различаются в оценке успехов этого процесса – и здесь россияне при типичном для европейских стран запросе на сокращение неравенства задают полюс наиболее негативных оценок результативности работы правительства в этом отношении.*

Жители большинства европейских стран схожи между собой в запросе к государству на сокращение доходного неравенства, но различаются в оценке успехов этого процесса.

Подводя итоги, отметим, что проблема социальных неравенств остро стоит сегодня для российского общества не только с точки зрения их объективной глубины, но и с точки зрения восприятия населением этой проблемы как особенно острой. Социальные неравенства представляют собой серьёзный вызов для государства, и население видит его основным актором решения этой проблемы. Дисбаланс между «идеалом» и «реальностью» при этом опасен снижением доверия к власти и её возможностям изменить ситуацию к лучшему. В этом отношении рост разрыва между ожиданиями и реальностью, как и тот факт, что Россия отличается от европейских стран по оценкам действий государства в негативную сторону, вызывают особое беспокойство.

Динамика ситуации при этом свидетельствует, что потенциал использования неравенств как стимула продуктивности постепенно сокращается: за последние пять лет произошло снижение толерантности как к тем основаниям неравенств, которые ранее представлялись населению скорее легитимными, так и к различным проявлениям немонетарных неравенств, основанных на неравенстве доходов. Это может оказать негативное влияние на возможности решения стратегической задачи, поставленной перед страной – «прорывного» развития. С другой стороны, толерантность большинства россиян к легитимным, в их представлениях, неравенствам, основанным на различиях в квалификации, усилиях и результатах, пока всё же доминирует в российском обществе, и это может позволить реализовать продуктивную, стимулирующую роль неравенства. Однако такое развитие событий возможно только при включении в повестку дня задачи трансформации неравенств в меритократические, легитимные и продуктивные.

Библиографический список

Аникин В. А., Тихонова Н. Е. 2016. Бедность и неравенство в странах БРИКС: российская специфика // Общество и Экономика. № 1. С 78–144.

Гимпельсон В. Е., Монусова Г. А. 2014. Восприятие неравенства и социальная мобильность // Экономический журнал Высшей школы экономики. Т. 18. № 2. С. 216–248.

Капелюшников Р. И. 2017. Неравенство: как не примитивизировать проблему // Вопросы экономики. № 4. С. 117–139.

Косова Л. Б. 2016. В каком обществе мы живем? Анализ факторов, определяющих массовый выбор, на примере восприятия социальной структуры // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. Т. 123. № 3–4. С. 43–52.

Мареева С. В., Тихонова Н. Е. 2016. Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании // Мир России: Социология, Этнология. Т. 25. № 2. С. 37–67.

Миланович Б. 2017. Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации. М.: Изд-во Института Гайдара. 336 с.

Овчарова Л. Н., Попова Д. О., Рудберг А. М. 2016. Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России // Журнал Новой экономической ассоциации. Т. 31. № 3. С. 170–185.

Пикетти Т. 2015. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем. 177 с.

Салмина А. А. 2007. Запрос россиян на сокращение неравенства и факторы его формирования в сравнении с другими европейскими странами // Власть. № 2. С. 27–37.

Стиглиц Д. 2015. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо. 511 с.

EBRD. 2017. Transition Report 2016–2017. Transition for all: Equal opportunities in an unequal world. European Bank for Reconstruction and Development, London.

Grusky D. 2011. The Stories About Inequality That We Love to Tell // The Inequality Reader. Contemporary and Foundational Readings in Race, Class, and Gender. Westview Press. P. 1–13.

Hardoon D., Ayele S., Fuentes-Nieva R. 2016. An Economy for the 1%. How privilege and power in the economy drive extreme inequality and how this can be stopped. Oxfam Briefing Paper. Oxfam GB, Oxford, UK. URL: <http://policy-practice.oxfam.org.uk/publications/an-economy-for-the-1-how-privilege-and-power-in-the-economy-drive-extreme-inequ-592643> [Дата посещения: 20.07.2018].

World Bank. 2016. Poverty and Shared Prosperity 2016: Taking on Inequality. Washington, DC: World Bank.

DOI: 10.19181/vis.2018.26.3.527

Social Inequities and the Social Structure of Modern Russia as Perceived by the Population

Mareeva Svetlana Vladimirovna

Candidate of Sociological Sciences, Head of Center for Stratification Studies, National Research University “Higher School of Economics”; Leading researcher, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: smareeva@hse.ru

Abstract. This article contains an analysis of the Russian population’s perception of modern Russian society’s social structure, together with those inequities which characterize the former, using as a basis materials from an all-Russian representative sociological study conducted by the Russian

Academy of Sciences' Institute of Sociology in 2018. It is revealed that the population is very sensitive to the problem of inequality: during recent years of crisis the problem has not only failed to fade into obscurity – the population has even become more sensitive to the issue. Revealed is a slow decrease in the potential for using inequality as motivation to boost productivity, since during the last five years there has been a reduction in Russian people's tolerance both towards the basis for inequality, which many were previously more inclined to consider legitimate, and towards various displays of non-monetary inequities which are based on unequal income. Given the current institutional conditions, the existing inequities are generally considered by the population to be unjust. An apparent gap between "ideal" and "actual" models of modern Russian society's social structure, as assessed by the Russian people, is indicative of an imbalance between the population's reality and expectations. All of this leads to an increasing demand for "equalizing" and revising the social structure model. On the other hand, despite an apparent negative dynamic in recent years, most Russians are still willing to tolerate legitimate (in their understanding) inequities, based on differences in qualification, effort and result, and this could be a key to inequalities bearing a productive and stimulating role after all. The population tends to direct its demand for decreasing inequality towards the government, which likens Russia to other European countries. However, given how people assess the effectiveness of how the government tends to this issue, Russia's population exhibits mostly negative evaluations. This means that social inequities currently pose a serious challenge for the government, since the outlined goals of "breakthrough" development for the country cannot be achieved without this problem being resolved.

Keywords: social inequality, social structure, perception of inequality, social justice, public demand for reducing inequality, role of state.

References

Anikin V. A., Tikhonova N. E. Bednost' i neravenstvo v stranakh BRIKS: rossiyskaya spetsifika [Poverty and inequality in BRICS: Notes on Russia]. *Obshchestvo i ekonomika*, 2016, no 1, pp. 78–144.

Gimpel'son V. E., Monusova G. A. Vospriyatie neravenstva i sotsial'naya mobil'nost' [Perception of Inequality and Social Mobility]. *Ekonomicheskiy zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 2014, Vol. 18, no 2, pp. 216–248.

Kapelyushnikov R. I. Neravenstvo: kak ne primitizirovat' problemu [Inequality: how not to primitivize the problem]. *Voprosy ekonomiki*, 2017, no 4, pp. 117–139.

Kosova L. B. V kakom obshchestve my zhivem? Analiz faktorov, opredelyayushchikh massovyy vybor, na primere vospriyatiya sotsial'noy struktury [What kind of society we live in? Analysis of factors determining mass choice in case of social structures perception]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannie. Analiz. Discussii*, 2016, Vol. 123, no 3–4, pp. 43–52.

Mareeva S. V., Tikhonova N. E. Bednost' i sotsial'nye neravenstva v Rossii v obshchestvennom soznanii [Public perceptions of poverty and social inequality in Russia]. *Mir Rossii: Sotsiologiya, Etnologiya*, 2016, Vol. 25, no 2, pp. 37–67.

Milanovich B. Global'noe neravenstvo. Novyy podkhod dlya epokhi globalizatsii [Global inequality: A new approach for the age of globalization]. Moscow, Izd-vo Instituta Gaydara, 2017. 336 p.

Ovcharova L. N., Popova D. O., Rudberg A. M. Dekompozitsiya faktorov neravenstva dokhodov v sovremennoy Rossii [Decomposition of income inequality in contemporary Russia]. *Zhurnal novoy ekonomicheskoy assotsiatsii*, 2016, Vol. 31, no 3, pp. 170–185.

Piketti T. Kapital v XXI veke [Capital in the twenty first century]. Moscow, Ad Marginem, 2015. 177 p.

Salmina A. A. Zapros rossiyan na sokrashchenie neravenstva i faktory ego formirovaniya v sravnenii s drugimi evropeyskimi stranami [Attitudes of the Russians towards income inequality and factors of their formation in comparison with other European countries]. *Vlast'*, 2007, no 2, pp. 27–37.

Stiglits D. Tsena neravenstva. Chem rassloenie obshchestva grozit nashemu budushchemu [The Price of inequality: How today's divided society endangers our future]. Moscow, Exmo, 2015. 511 p.

EBRD. Transition Report 2016–2017. Transition for All: Equal Opportunities in an Unequal World. European Bank for Reconstruction and Development, London, 2017.

Grusky D. The Stories About Inequality That We Love to Tell. The Inequality Reader. Contemporary and Foundational Readings in Race, Class, and Gender. Westview Press, 2011, pp. 1–13.

Hardoon D., Ayele S., Fuentes-Nieva R. An Economy for the 1%. How Privilege and Power in the Economy Drive Extreme Inequality and How This Can be Stopped. Oxfam Briefing Paper. Oxfam GB, Oxford, UK, 2016. URL: <http://policy-practice.oxfam.org.uk/publications/an-economy-for-the-1-how-privilege-and-power-in-the-economy-drive-extreme-inequ-592643> [date of visit: 20.07.2018].

World Bank. Poverty and Shared Prosperity 2016: Taking on Inequality. Washington, DC, World Bank, 2016.